

A photograph of a cemetery in winter. The ground is covered in a thick layer of snow. Numerous tombstones of various shapes and sizes are visible, some partially covered in snow. In the background, there are several tall, dark evergreen trees and some bare deciduous trees. The sky is overcast and grey. The overall atmosphere is somber and quiet.

Злата Лилина
"Мэй Раддмил"
3 часть

18+

Злата Лилина

Мэй Раддмил. Часть 3.

<https://litres.ru/74272413>

SelfPub; 2026

Аннотация

После событий второй части мир на грани краха: война между королевствами разгорелась с новой силой, и Мэй с Варфоломеем оказываются в самом её эпицентре. Им приходится объединиться, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу, но старые обиды и недоверие мешают действовать слаженно. На фоне сражений разворачивается глубокая любовная линия: героям предстоит пройти через испытания, которые проверят их чувства на прочность — доверие, жертвенность, право на счастье в хаосе. Сюжет обогащается новыми героями: появляются харизматичные союзники с собственными мотивами и тёмными секретами, а также коварные противники, для которых эта война — лишь часть большой игры. Кто-то из новых персонажей станет опорой, а кто-то — источником неожиданных предательств.

Содержание

Глава 1. Тень боли.	4
Глава 2. Психбольница	20
Глава 3. Чудо Рождества.	41
Глава 4. Падение Ями.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мэй Раддмил. Часть 3.

Глава 1. Тень боли.

Субботнее утро началось с тихой, почти семейной работы. Мэй и Ями молча помогали Варфоломею заметать осколки разлетевшегося стекла, убирать обломки мебели и оттирать застывшую кровь в холле. Михаэль выносил тяжелые мешки, а гробовщик, тяжело опираясь на трость, хмуро следил за порядком. Между ним и Мэй не было произнесено ни единого слова, но в этой совместной работе чувствовалось хрупкое единение.

Однако, ночью покой покинул девочку. Ей приснился странный, пугающе реалистичный сон. Она стояла посреди заснеженной, безмолвной площади заброшенного города. С неба медленно падал пушистый снег. Вдруг с высоты шпиль к ней спустился огромный, нахохлившийся чёрный ворон. Его перья отливали тем самым иссиня-чёрным, благородным цветом, что и новые волосы Варфоломея. Ворон отважно и нежно укрыл её своим большим, тёплым крылом, защищая от ледяного ветра, а затем... коснулся её губ в глубоком, почти человеческом поцелуе. В следующую секунду они вместе взмыли ввысь, летя над спящим, укрытым снегом городом, свободные от всех проклятий.

Мэй резко проснулась. На часах было раннее утро вос-

кресенья. На её бледных щеках блестели горячие слёзы. Сон оставил в её душе щемящее, сладкое и одновременно мучительное послевкусие.

Она встала, набросила на плечи чёрную вельветовую шаль и спустилась на первый этаж. Варфоломей сидел в гостиной у камина, задумчиво играя, переборами на гитаре. Мэй подошла к нему, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе и пряча руки в карманы платья.

— Варфоломей, — тихо, но холодно произнесла она.

Гробовщик отложил инструмент и медленно повернул к ней своё бледное лицо. Его ясные, почти белые глаза вопрошительно уставились на неё.

— Как бы там ни было, — твёрдо продолжила Мэй, вонзая невидимые иглы в собственное сердце, — я думаю, мы сохраним нормальные, опекунские отношения. Ради Ями. Но порой мы не станем с тобой никогда. Это моё окончательное решение. Пожалуйста, соблюдай мои личные границы.

Варфоломей замер. На его лице отразилось глубокое, сокрушительное потрясение. Прямая чёрная чёлка качнулась, приоткрывая край багряного креста. Он заглянул прямо в её разноцветные глаза, и в его голосе-кларнете зазвучала глухая, раненая обида:

— Это... это из-за твоих родителей, Мэй? — тихо спросил он, — но ведь ты не можешь мне не верить! Я клянусь тебе, я не травил их! Рим солгал!

— Перестань, — ледяным тоном отсекала Мэй, не давая

ему продолжить этот ранящий спор, и поспешно ушла в свою комнату.

Так и начали течь холодные, морозные зимние дни в предвкушении Нового года и Рождества Христова.

Мэй всегда искренне ненавидела эти праздники. Её любимым временем года был мрачный, таинственный Хэллоуин с его тенями и спиритизмом. А Новый год сейчас приносил ей лишь невыносимое смятение, острую душевную боль и звенящее одиночество. Ведь в глубине своей ведьминской души, вопреки здравому смыслу и страшным обвинениям Рима, она отчаянно, безумно мечтала быть рядом со своим принцем — Варфоломеем. Но её гордость и страх не позволяли ей сделать шаг навстречу.

В замке Статимэд жизнь наконец-то вошла в мирное русло. Без интриг Дилана и Чарльза в школе воцарился покой. Но для Мэй этот покой стал пыткой. Валерия теперь всё своё свободное время уделяла Герарду. Рыжеволосый юноша, хоть и лишился магии, благодаря Варфоломею был полностью здоров, и его сердце больше не принадлежало Мэй. Они с Валерией стали счастливой, влюблённой парой. Они вместе гуляли по заснеженному школьному саду, смеялись и держались за руки. Эстер тоже часто проводила с ними время. А Мэй снова осталась совершенно одна. Она сидела у окна библиотеки, кутаясь в чёрную шаль, и наблюдала за их счастьем. Внутри неё росла ледяная пустота. Её «принц» остался в пустом поместье Клотильды, и между ними сто-

яла непреодолимая стена из мёртвых родителей и невысказанных обид.

Накануне Нового года, когда замок Статимэд сковали суровые декабрьские морозы, а готические окна покрылись плотными ледяными узорами, в их класс пришёл новый ученик. Это был парень невысокого роста, но на редкость крепкого, даже плотного телосложения. Из-под его тёмной школьной мантии виднелись широкие плечи. У него были короткие чёрные волосы, упрямый подбородок и поразительные, пронзительно-зелёные изумрудные глаза. На его пухлом пальце красовался массивный старинный перстень, искусно отлитый в виде переплетённого лесного мха. На уроке истории магии строгая Госпожа Виолетта, обычно презиравшая новичков, встретила его с удивительной, приторной вежливостью:

— Рада приветствовать вас в нашем классе, Господин Мартин, — приподняв брови, мягко произнесла она. — Присаживайтесь на свободное место.

Мартин лишь глухо, хрипло угукнул в ответ. Его голос был грубоватым и низким, словно он долго молчал на морозе. Он медленно прошёл по рядам и сел за парту к Мэй — она была единственной в классе, с кем оставалось свободное место. Он шумно опустил на стол кожаную сумку, даже не взглянув на соседку. Мэй повернула к нему свою голову, поправляя воротник чёрного вельветового платья.

— Здравствуй, новенький, — негромко, из вежливости произнесла она, устремив на него свои разноцветные глаза.

Но Мартин промолчал. Он даже не повернул головы в её сторону, уставившись мертвенным изумрудным взглядом на доску. Мэй буквально оцепенела от такого откровенного хамства. Внутри неё поднялась ведьминская гордость, но она заставила себя сохранить царственное, ледяное самообладание и ничем не выдала своего возмущения, молча отвернувшись к окну. Но перстень в виде мха на его руке показался ей странно знакомым — от него веяло той же древней магией земли, что и от домика гнома Рима.

После окончания занятий Мэй вышла во внутренний заснеженный дворик замка. У раскидистой ели, укрытой белыми шапками снега, стояли Валерия и Герард. Они то и дело тихо смеялись, перешёптывались и стояли так близко, словно во всём мире были только они двое. Валерия бережно поправляла воротник его пальто, а Герард смотрел на неё своим единственным уцелевшим ярко-зелёным глазом с такой нежностью, о которой Мэй могла только мечтать.

Внутри нее колола острая, удушающая ревность. Ей было больно видеть, что её единственная близкая подруга Валерия теперь полностью принадлежала другому. Она чувствовала себя лишней на этом празднике чужого счастья. Мэй медленно подошла к паре, плотнее запахивая на плечах чёрную вельветовую шаль.

— Герард, — негромко спросила она, стараясь, чтобы го-

лос звучал безразлично, - ты что, решил всё-таки остаться в нашей школе? Я думала, твои родители переводят тебя.

Рыжеволосый юноша повернулся к ней и ровно, спокойно ответил:

— До Нового Года точно останусь здесь. А там посмотрим, Мэй.

Юная ведьма перевела взгляд на подругу. В её разноцветных глазах отразилась робкая, почти детская мольба об общении:

- Может... может, вместе пойдём, погуляем сегодня в городе, Валери? Посмотрим на рождественские ярмарки?

Валерия виновато, но счастливо улыбнулась, крепче сжимая ладонь Герарда:

- Прости, Мэй... Но мы с Герардом уже запланировали этот вечер. Мы хотели пойти к морю. Давай как-нибудь потом?

Слова подруги ледяным осколком вонзились в грудь Мэй. Внутри неё вспыхнула горькая, обиженная злость.

— Понятно, — резко бросила она.

Не дожидаясь ответа, Мэй круто развернулась и зашагала прочь по хрустящему декабрьскому снегу. Одиночество окутало её, как холодный погребальный наряд. Ей казалось, что её предали и бросили абсолютно все: Герард, Валерия, Эстер... Она осталась совершенно одна в этом огромном, морозном и чужом мире.

Мэй ушла в самый дальний, заброшенный уголок зимнего

школьного сада. Сев на каменную скамью, покрытую тонкой коркой льда, она плотно завернулась в свою чёрную шаль, пряча подбородок от ледяного ветра. Горячие слёзы обиды подступили к глазам, но она заставила себя сглотнуть их. Она устремила свои печальные очи на воротник платья. Там, согреваясь теплом её бледной кожи, зашевелился её верный Чернобог. Тёмная, чешуйчатая змея медленно выползла из-под складок шали, обвила её тонкую шею и подняла свою изящную голову, заглядывая Мэй прямо в лицо своими крошечными чёрными глазками.

И вдруг в морозной тишине сада Мэй отчётливо услышала его голос. Это не было обычное ведьминское шипение — Чернобог заговорил с ней на чистом, тихом и вибрирующем ментальном языке:

— Не грусти, Мэй... — прошипел он в её сознании, и его голос был мягким, как шелест травы, - но открой свою израненную душу Варфоломею. Ты ведь погибаешь без него.

Мэй ахнула, её разноцветные глаза расширились от немого потрясения. Она испуганно отпрянула, едва не сбросив змею с плеч.

— Ты... ты что такое говоришь?! — сорвавшись на шёпот, воскликнула девочка, прижав ладонь к груди. — Он убил моих родителей! Он чудовище! Я пообещала держать дистанцию!

— Твоё сердце знает правду, которую разум отрицает, — тихо прошепестел Чернобог, медленно прячась обратно

под тёплый воротник её вельветового платья. — Твой принц ждёт тебя в пустом холодном доме. И только ты можешь спасти его от вечной тьмы...

Мэй осталась сидеть на ледяной скамье. Слова змеи-фамильяра, родившиеся из её собственного глубокого, подавленного подсознания, эхом отдавались в её мыслях. Зима была вокруг неё, но внутри разгорался настоящий пожар.

Зима безжалостно забирала последнее тепло. Даже Ями, её маленький преданный брат, постепенно отдалялся: он наконец-то смог сдружиться с мальчишками из своего класса. Теперь после уроков он беззаботно смеялся, бросался снежками во дворе Статимэда и убегал с новыми друзьями, проживая ту простую, обычную детскую жизнь, которой у него никогда не было. Мэй осталась совершенно одна. Ненужная, холодная и покинутая всеми.

Вечером в тринадцатой комнате царила звенящая пустота — Валерия снова отсутствовала, проводя всё время с Герардом. Мэй сидела на подоконнике, уткнувшись подбородком в колени. За окном расстилался прекрасный, но мертво-холодный зимний пейзаж: укутанные снегом вековые сосны и серебряная луна, застывшая в ледяном небе. Глядя на эту безразличную красоту, Мэй снова горько заплакала. Слезы обжигали её бледные щёки. Завернувшись в тяжёлую чёрную шаль, она легла на кровать и забылась тяжёлым сном.

И снова ей приснился он. Огромный, нахохлившийся чёрный ворон. В её сновидении он бережно укрывал её своим

тёмным крылом, спасая от вселенского холода, и этот сон казался реальнее самой жизни.

Утром Мэй, сонная и опустошённая, пошла на занятия. Сегодня был последний день, когда практическую магию вёл Варфоломей. Мужчина стоял у кафедры. Его сине-чёрные прямые волосы были аккуратно причёсаны, а ясные, белые глаза казались непривычно мягкими.

— Приветствую вас, дети! — негромко произнёс он, и его глубокий голос-кларнет эхом разнёсся по классу, а на его бледных губах играла грустная улыбка, - сегодня мой последний урок с вами. Ваш постоянный преподаватель завтра наконец-то возвращается с больничного. Я думал, что буду вести у вас всего две недели, правда, вышло немного больше...

В его глазах на секунду сверкнула глубокая, затаённая боль. Его взгляд — нежный, тоскующий и просящий — медленно скользнул по Мэй, заставив её сердце судорожно сжаться. Но она упрямо отвела взор.

Он провёл этот последний урок безупречно. Когда прозвенел звонок, ученики начали шумно собирать вещи и покидать класс. Мэй медлила, делая вид, что ищет тетрадь. Вдруг к столу Варфоломея подошла Эстер. Она остановилась прямо перед ним, поправив свою светлую косу.

- Господин Варфоломей, — тихо, но искренне произнесла девочка, глядя на него снизу вверх, - вы мне всегда очень нравились. И я безгранично признательна вам за то, что вы спасли мою жизнь от некротического яда.

С этими словами Эстер отвесила ему низкий, уважительный поклон, а затем, сделав шаг вперёд, порывисто и крепко обняла мужчину.

Варфоломей мгновенно замер. На его лице отразилось крайнее замешательство, он сильно прикусил свою нижнюю синюю губу, не зная, куда деть руки. Он по-прежнему робел перед чужой искренностью.

- Эстер... — негромко промолвил он, и его бледные щёки слегка порозовели, - это... весьма неожиданно с твоей стороны. Учись прилежно. Желаю тебе удачи.

Он аккуратно, бережно обнял её в ответ, и Эстер, улыбнувшись, вышла из класса. Мэй, наблюдавшая за этой сценой из-под прикрытия книжного шкафа у двери, почувствовала, как внутри неё взметнулся настоящий адский пожар. Дикая, резкая ревность и слепая злость обожгли её душу. Как Эстер смела прикоснуться к нему?! Как он смел обнимать другую?! Но Мэй тут же вспомнила свои собственные слова: «мы парой не станем никогда...

Соблюдай мои границы». Она сама загнала себя в эту клетку.

Не в силах выносить этот удушающий гнев и одиночество, школьница после занятий сбежала из учреждения. Ноги сами понесли её прочь из замка — туда, где никто не мог её увидеть. На городское кладбище. Она шла мимо занесённых снегом старых склепов, пока не набрела на тихий, заброшенный уголок погоста. Мэй опустилась на ледяную каменную

скамью возле безымянной, забытой всеми могилы.

Силы окончательно покинули её. Девочка прижала бледные, дрожащие ладони к лицу и снова отчаянно, горько разрыдалась. Её хрупкие плечи судорожно вздрагивали под чёрной вельветовой шалью.

- Эта жизнь... она просто невыносима, — навзрыд всхлинула она, и её тихий голос потонул в свисте холодного декабрьского ветра, - почему всё так сложно?..

Вокруг выла метель, заматавая старые могильные кресты сухим колючим снегом. Мэй казалось, что она замерзает — и снаружи, и изнутри.

Вдруг сквозь вой ветра до её слуха донёсся знакомый, ритмичный звук. Сухой стук дерева по обледенелым плитам. Тяжёлый, прихрамывающий шаг.

Мэй замерла, медленно отнимая ладони от мокрого от слёз лица. Сквозь пелену метели к ней по кладбищенской аллее медленно шёл высокий мужчина в длинном чёрном пальто и цилиндре. Варфоломей. На его плечах лежала точно такая же чёрная шаль, а сине-чёрная чёлка была запорошена снегом. Он шёл за ней по следу, чувствуя её боль через невидимую связь.

Гробовщик бесшумно сократил расстояние между ними. Он не произнёс ни слова — лишь медленно, с какой-то отчаянной нежностью привлёк Мэй к себе. Его прикосновения были странными: сухими и тонкими, словно ветви зимних деревьев, и острыми, как клюв того самого чёрного ворона

из её снов.

Он аккуратно снял с плеч своё тяжёлое, пахнущее лавандой и морозной хвоей пальто и бережно укутал им замёрзшую юную ведьму. Мэй, лишившись последних сил бороться с холодом и собственным горем, беззащитно прильнула к его плечу. Горячие слёзы хлынули из её разноцветных глаз, впитываясь в плотную чёрную ткань. Варфоломей лишь молча прижимал её к себе, его свёрнутая шея подрагивала от ветра.

Но вдруг пелена слабости спала. Мэй вспомнила слова гнома Рима. Вспомнила яд. Вспомнила Герарда. С резким, испуганным вскриком она вырвалась из его рук. Сбросив на обледенелую землю его пальто, она со всей силы оттолкнула Варфоломея назад, в сугроб.

- Я... я нормально к тебе отношусь! — тяжело дыша, сорвалась на крик девочка, её левый зелено-карий глаз лихорадочно блестел в сумерках погоста, - мы можем ладить! Мы можем жить в одном поместье ради Ями! Но смерть моих родителей... смерть мамы и папы я не прощу тебе никогда! Слышишь?! Никогда!

Варфоломей медленно поднялся. Его новые прямые иссиня-чёрные волосы растрепались на ветру, а под чёлкой опасно налился багровым цветом шрам-крест.

- Ты... ты вновь отвергаешь меня, Мэй? — тихо, с какой-то зловещей, дрожащей ноткой спросил он, делая шаг к ней.

Мэй в ужасе попятилась, спотыкаясь о занесённое снегом надгробие. Его белые ясные глаза сейчас горели потусторон-

ним, безумным огнём. Страх сковал её тело, но она собралась с мыслями и выкрикнула прямо ему в лицо:

- Да! Отстань от меня! Оставь меня в покое!

Лицо Варфоломея уродливо исказилось. Тёмная, безжалостная сторона его личности, годами питавшаяся болью и некромантией, окончательно взяла верх над раненым влюблённым мальчиком.

— Тогда я не пожалею тебя, — ядовито огрызнулся он.

Он резко вскинул руки, сжимая трость с серебряным черепом. Воздух на кладбище завыл, превращаясь в ледяной вихрь. Мощным потоком своей магии Варфоломей призвал духов из глубин мёртвой земли. Мэй, задыхаясь от сковавшего её первобытного страха, круто развернулась и бросилась бежать прочь по лабиринту могильных аллей.

Хруст... Скрип... Прямо перед ней земля на одной из заброшенных могил вздыбилась. Из неё, ломая гнилые доски гроба, медленно выполз мертвец. Он тяжело встал на ноги и неестественными, ломаными шагами направился прямо к ней.

Увиденное заставило Мэй похолодеть от омерзения и ужаса. На лбу мертвеца багровела точно такая же высеченная печать-крест, как у Варфоломея. Его глаза горели мертвенно-синим пламенем, а длинные тёмные волосы были покрыты инеем. Самым жутким был его наряд — на покойнике был полуистлевший, нелепый карнавальный костюм, а из его пустых глазниц, рта и складок одежды полчищами лезли жир-

ные тараканы, сколопендры и чёрные могильные насекомые. Визжа от ужаса, Мэй бросилась в сторону, петляя между склепами. В панике она потеряла дорогу и окончательно заблудилась в туманном лабиринте погоста. К счастью, спустя несколько минут безумного бега мертвецы и насекомые отстали, растворившись в метели. Мэй остановилась у старой ивы, тяжело дыша и прижимая руку к бешено бьющемуся сердцу. На её шее испуганно сжался Чернобог.

— Он... он насрал на меня своё грязное колдовство! — в ярости и слезах прошептала она. — Он действительно чудовище! Садист!

— Здравствуй, — вдруг раздался в тишине спокойный, грубоватый голос.

Мэй вздрогнула и резко обернулась. Из-за соседнего памятника медленно вышел Мартин — тот самый приземистый, крепкий новичок с изумрудными глазами. Он сделал шаг навстречу, засунув руки в карманы тёплой мантии.

— Что с тобой? — доброжелательно спросил он, и в его глазах блеснул мягкий свет. — Ты... неужели ты так сильно боишься кладбищ?

Едва слышно, парень незлобиво хихикнул, глядя на её растрёпанный и напуганный вид.

— Отстань, — устало и раздражённо отмахнулась Мэй, поправляя съехавшую чёрную шаль. Её разноцветные глаза всё ещё блестели от слёз.

— Идём вместе в замок Статимэд, — ровным, непреклон-

ным, почти приказным тоном произнёс Мартин, беря инициативу в свои руки. — Метель усиливается, ты здесь просто замёрзнешь.

Мэй, понимая, что одной ей дорогу назад не найти, нехотя пошла рядом с ним по заснеженной тропе. Чтобы хоть как-то отвлечься от пережитого кошмара, она спросила:

— Откуда ты вообще взялся, Мартин? Почему ты переехал к нам посреди года?

— Я не местный, — хрипловато ответил парень, бросив взгляд на свой перстень в виде мха. — Я из очень бедной семьи, у моих родителей не было денег на такое обучение. Но я выиграл сложную региональную олимпиаду по алхимии и магии земли, и мне дали грант на бесплатное обучение здесь. Это настоящее чудо для меня. И... если честно, я терпеть не могу всех вас — чопорных, высокомерных богачей из Статимэда. Вы думаете, что мир вертится вокруг вашего золота.

Мэй удивлённо посмотрела на его упрямый профиль. В его словах была грубая, но честная правда.

— Я учусь здесь с октября, — тихо поделилась она, глядя под ноги на хрустящий снег. — Мне здесь, в целом, нравится. Но моя семья... Раддмилы. У нас тоже очень много тёмных и грязных тайн. Мы далеко не идеальны, Мартин.

Она неожиданно для самой себя начала рассказывать ему о своей жизни, опускаая самые опасные подробности о некромантии Варфоломея. Мартин внимательно, молча слушал её, изредка кивая своими изумрудными глазами. Его про-

стое, приземлённое присутствие странным образом успокоило Мэй.

Когда они наконец подошли к величественным воротам школы Статимэд, Мэй поймала себя на мысли, что этот грубоватый, но искренний парень ей действительно нравится. Он был полной противоположностью Варфоломею: тёплым, прочным, как сама земля, и живым.

Глава 2. Психбольница

Декабрьские холода сковали землю, но настоящий, смертельный мороз пришёл в поместье Клотильды. Вернувшись с кладбища, Варфоломей заперся в пустом, гулком доме. Он сидел в гостиной перед камином, вытянув свою больную, окоченевшую левую ногу. Одна за другой догорали длинные папиросы, наполняя комнату удушливым сизым дымом. В этот вечер он в одиночку выпил две бутылки крепкой водки, но алкоголь не принёс ему ни тепла, ни забвения — лишь слепую, леденящую злость. Он остался совсем один. Хлоя сбежала в леса, Мэй и Ями отвергли его, а за стенами выла зловеющая зимняя буря.

И в этот же самый проклятый день случилось то, чего его израненная душа боялась больше всего. Его мама, Риза, тихо и спокойно умерла в своей постели. Её безумные голубые глаза закрылись навсегда, и она испустила свой последний, тихий дух под завывание декабрьского ветра. Для Варфоломея это стало сокрушительным, непоправимым горем. Накануне Нового года и Рождества в его жизни всегда происходило что-то ужасное, и именно поэтому он так яростно ненавидел эти зимние праздники. Мама была его единственным якорем в мире живых, последним человеком, который помнил его нежным кудрявым мальчиком и гладил по искалеченному лбу.

Через три дня Варфоломей похоронил её в мёрзлой, как камень, земле заброшенного сада. На похоронах не было никого, кроме него, угрюмого Михаэля и прислужника Ханса. Опустив гроб в могилу, Варфоломей окончательно изменился. В его душе что-то стихим, страшным хрустом сломалось. Слёзы высохли на его бледных щеках, а ясные белые глаза под прямой чёрной чёлкой стали мёртвыми и безразличными. Он совсем обозлился. Израненный мальчик внутри него умер вместе с Ризой. Варфоломей превратился в черствого, безжалостного и жестокого человека, который возненавидел всех детей, Валерию, Герарда и всё живое в этом мире.

Тем временем в тёплых стенах замка Статимэд Мэй пыталась отвлечься от гнетущих мыслей. На уроке практической магии, который теперь вёл вернувшийся с больничного старый преподаватель, Мэй сидела за одной партой с Мартином. Вдруг она заметила нечто странное. Её верный Чернобог, дремавший под воротником вельветового платья, внезапно зашевелился и высунул свою чёрную чешуйчатую голову. В ту же секунду массивный перстень на руке Мартина, отлитый в виде лесного мха, начал слабо, но отчётливо светиться мягким зелёным светом, словно реагируя на присутствие змеи. Мэй удивлённо прищурила свои разноцветные глаза и тихо спросила, наклонившись к новому соседу:

— Мартин... твой перстень. Он реагирует на моего фамильяра. Откуда у тебя эта вещь?

Крепкий черноволосый парень неохотно опустил взгляд

на свои пальцы. Его изумрудные глаза блеснули.

— Мне это кольцо подарил гном Рим, — хрипловато, вполголоса раскрыл он свою тайну, — Рим — мой родной дедушка. Ты... слыхала про него, Раддмил?

Мэй буквально затаила дыхание, а её пальцы до боли сжали край чёрной вельветовой шали.

— Да... — тихо, сдерживая дрожь, ответила она, — мой опекун Варфоломей общался с ним. И Рим лично предупредил меня об опасности. Он рассказал мне...страшные вещи о моей семье.

Мартин услышав это, вдруг тихо, грубовато усмехнулся. Он повернул к ней своё круглое упрямое лицо и произнёс слова, которые заставили Мэй оцепенеть:

— Да, дед сильный маг земли. Но запомни, Мэй: Рим — старый, хитрый лис. За золото он продаст и предаст абсолютно любого. Даже родную кровь.

Эти слова ледяным душем окатили юную ведьму. Земля словно ушла у неё из-под ног. «За золото продаст любого...»

В голове Мэй вихрем пронеслись воспоминания. Спиритический сеанс, на котором указатель выдал имя Варфоломея. Затем визит к Риму, который так легко и «вежливо» подтвердил, что Варфоломей отравил её родителей. И то, как Варфоломей на коленях умолял её поверить ему, клянясь, что он невиновен и что его подставили. Если Рим действительно был алчным и продажным мерзавцем, то кто-то — возможно, безумный Дилан перед смертью или Чарльз —

мог просто заплатить гному кучу золота, чтобы тот оклеветал Варфоломея и навсегда разрушил его связь с Мэй! Мэй почувствовала, как её сердце пронзила острая, невыносимая боль раскаяния. Она отвергла его. Назвала отродьем, ударила магией и прогнала, в то время как он, возможно, действительно был невиновен. А теперь... теперь он остался совсем один в пустом поместье, хороня свою мать. Она посмотрела на Мартина. Этот грубоватый, честный парень, сам того не зная, только что раскрыл ей глаза на величайший обман этой зимы. И теперь Мэй должна была во всём разобраться, пока окаменевшее сердце Варфоломея окончательно не поглотила вечная тьма.

Мэй сидела за партой, её разум лихорадочно работал. В голове вихрем пронеслись воспоминания: спиритический сеанс, где дух мамы обвинил Варфоломея; визит к Риму, который так легко подтвердил его вину; и отчаянные клятвы гробовщика в его невиновности. Если Рим действительно был продажным, то её родителей мог убить кто угодно, а Варфоломей стал лишь жертвой чужих интриг. Острая боль раскаяния пронзила её сердце. Она отвергла его, прогнала, ударила магией, назвала отродьем, пока он терял свою последнюю ниточку к жизни — мать. Мэй резко повернулась к Мартину. Её разноцветные глаза, полные новой решимости, горели опасным огнём.

— Мартин, — тихо, но твёрдо произнесла она, — ты должен мне помочь. Твой дедушка Рим солгал мне. Он оклеве-

тал Варфоломея. И я знаю, что за это ему заплатили. Ты отведёшь меня к нему. Мы заставим его сказать правду.

Крепкий черноволосый парень удивлённо приподнял брови. Его изумрудные глаза внимательно всмотрелись в её лицо.

— Я не уверен, что это хорошая идея, Мэй, — хрипловато произнёс он. — Мой дед... он не любит, когда его беспокоят. И он очень сильный маг.

— Я не прошу, я требую, — ледяным тоном ответила Мэй, а её рука потянулась к воротнику платья, и Чернобог бесшумно высунул свою чёрную голову, и его крошечные глазки-бусинки уставились прямо на перстень Мартина, — ты ведь знаешь, что Чернобог — фамильяр земли. Твой перстень чувствует его. И я знаю, как использовать эти связи. Ты пойдёшь со мной.

Мартин сглотнул. Он понял, что имеет дело не с обычной школьницей, а с настоящей ведьмой, которая только что пережила потерю и была готова на всё. Он медленно кивнул.

— Хорошо, Мэй Раддмил. Ночью. Я отведу тебя к деду. Но если что-то пойдёт не так... ты не вини меня.

Вечером, под покровом декабрьской ночи, Мэй, Ями и Мартин покинули замок Статимэд. Ями, конечно, пытался отговорить сестру, но она была непреклонна. Они сели в карету, и Мартин указал кучеру дорогу.

Внутри экипажа царила напряжённая тишина. Мэй держала Чернобога на коленях, её пальцы нервно перебирали

холодные чешуйки. Она была готова ко всему. Она должна была узнать правду. Наконец карета остановилась у маленького домика гнома Рима. Из его круглого окошка по-прежнему лился тёплый, золотистый свет. Мартин первым сошёл с подножки. Он подошёл к двери и громко постучал.

- Дедушка! Открой! Это я, Мартин!

Дверь со скрипом отворилась. Гном Рим, с огромной седой бородой, стоял на пороге. Он удивлённо посмотрел на внука, а затем его маленькие глазки-щелки метнулись к Мэй, стоящей в тени. На его лице отразилось недовольство.

— Мартин, что это значит? — хрипло спросил он, - и зачем ты привёл сюда эту ведьму? Пусть уходит.

Мэй шагнула вперёд. Её лицо было бледным, но решительным.

— Я пришла, чтобы узнать правду, Рим. О моих родителях. И о тебе. Кто заплатил тебе за ложь?

Гном Рим тихо рассмеялся. Этот смех был сухим, шелестящим, как осенние листья.

— Ложь? Моё дитя, я никогда не лгу. Я говорю лишь то, что знаю.

Девочка немедленно использовала магию, а именно мощное заклинание давления, угрожая ему разрушить его ничтожный домик. Старик, недолго думая, расколся...

- О! Какая ты! — крикнул он, слегка поправив свою бородку, - я обманул тебя, ведьма. Мне Дилан много золота заплатил. Ты же такая чувствительная, неужели не почуяла? Ты

пришла, и я буквально сразу тебе сказал.

- Это очень подло, - отрезала Мэй, но теперь она знала правду.

Они вместе вышли из дома, и поехали восвояси.

- Я рад, что помог тебе, - улыбнулся собеседник, - слушай... Давай дружить?

- Нет, - сразу ответила девочка, отсекая робкие попытки Мартина подружиться, - мне достаточно друзей. Но я помню твое добро. И в любом случае, я постараюсь тебе помочь, если тебе будет нужна моя помощь.

- И на этом благодарю, - также с улыбкой ответил парень.

Слова Тиффани ударили Мэй сильнее любого магического заклинания. «Психически нездоровый», «попытка самоубийства», «закрытая клиника» — эти фразы эхом отдавались в пустых коридорах поместья, наполняя их новым, гнетущим смыслом. Дом, который она так хотела проклясть и от которого хотела сбежать, теперь казался ей холодным склепом.

Мэй стояла в холле, сжимая в кулаке край своей шали. Зимний ветер снаружи выл, как раненый зверь, а внутри неё поселилась звенящая, мертвенная тишина. Она только что узнала правду: Варфоломей был невиновен, он был жертвой подлого заговора Дилана и алчности гнома Рима. Но в то время, когда она искала доказательства его вины, его собственный разум — и без того измученный годами некроман-

тии — окончательно сломался под грузом горя и предательства.

— Закрытая клиника... — прошептала Мэй, глядя на свои бледные руки. — В канун Рождества. Он там совсем один, в этом адском месте, где с ним могут обращаться так же, как когда-то с Хлоей в храме.

Ями стоял рядом, опустив голову. Его глаза были красными от слёз.

— Сестрёнка, — тихо позвал он, — мы должны поехать туда. Мы не можем бросить его там одного в праздник.

Вернувшись домой, 31 декабря, дети узнали, что их опекун заболел. Мэй взглянула на брата. Она вспомнила слова своей матери из сна: «Ты не обязана спасать того, кто причиняет тебе боль». Но Варфоломей не причинял ей боли сознательно — он был болен, он был раздавлен. А теперь, когда она знала правду, её ненависть трансформировалась в острую, почти физическую потребность защитить его.

— Тиффани, — Мэй обернулась к служанке, голос её звучал решительно и властно, как у истинной хозяйки Раддмил. — Ты сказала, что ехать опасно. Но я не спрашиваю разрешения. Собирай вещи. Мы должны узнать, в какой именно клинике он находится. Если это закрытое учреждение, значит, у них должны быть документы об опеке. Я — законный наследник и опекун по документам, они не имеют права не пустить меня.

Тиффани испуганно кивнула и поспешила выполнять рас-

поряжение.

Пока Мэй и Ями готовились к ночному выезду, в самой психиатрической клинике, куда был помещён Варфоломей, творилось нечто странное. Варфоломей сидел на железной койке в одиночной палате с белыми мягкими стенами. Его иссиня-чёрные волосы были спутаны, в глазах не осталось прежнего блеска — только мутная пелена. Он не говорил. Он лишь бесконечно, монотонно раскачивался из стороны в сторону, тихо напевая ту самую колыбельную, которую пела ему мать. Его руки были исцарапаны — он пытался вырезать крест у себя на запястьях, надеясь выпустить оттуда «тьму».

После того как мужчина остался в поместье один, горе окончательно сломило его. Похороны матери стали последней каплей. В те три дня, пока Мэй и Ями были в Статимэде, в поместье творилось нечто страшное. Гробовщик почти не спал, перестал есть, а его психика, подорванная некромантией и годами жизни в теле, которое было «сшито» из боли, дала трещину.

Жители ближайшей деревни видели, как он выходил на улицу среди ночи, босой, в одной ночной рубашке, и что-то кричал небесам, указывая на свой лоб, где пульсировал багровый крест. Он вёл себя крайне неадекватно: разговаривал с пустотой, называл случайных прохожих именами давно умерших людей и пытался голыми руками вырыть яму в мерзлой земле, бормоча, что «мама должна выйти».

Соседи, напуганные его видом и жуткими криками, вы-

звали экстренную психиатрическую помощь. Когда врачи приехали, они нашли его в саду. Он пытался нанести себе увечья ножом, который забрал у Дилана, крича, что только так сможет «изгнать Адама». Санитарам с трудом удалось его скрутить и погрузить в машину скорой помощи. Его госпитализировали в закрытую психиатрическую клинику Святой Марии Магдалины — мрачное здание за высоким забором, где держали самых опасных пациентов.

— Нам нужно ехать туда, Ями, — решительно сказала она, чувствуя, как внутри пробуждается старая, тёмная магия Раддмилов, — если он там один, он может не пережить этих праздников.

Варфоломей лежал в палате №402. Его руки были стянуты смиренной рубашкой. Белые стены клиники давили на него. Он не видел ничего, кроме темноты, даже когда открывал глаза. В ту ночь в клинике было непривычно тихо.

Мэй и Ями, кутаясь в свои тёплые плащи, стояли перед мрачным, готическим зданием закрытой психиатрической клиники Святой Марии Магдалины. Высокий каменный забор, увитый колючей проволокой, казался неприступным. Единственные ворота были наглухо заперты, а в окнах почти не горел свет — здание казалось мёртвым среди бушующей метели.

Мэй взглянула на брата. Её сердце сжималось от предчувствия беды, но теперь, когда она знала правду о Варфоломее,

она была готова на всё.

— Он там один, Ями, — прошептала она, и её дыхание затерялось в морозном воздухе, - и ему, возможно, очень плохо. Мы должны попасть внутрь.

Ями кивнул.

— Повезло, — прошептал он, проскальзывая внутрь.

Они оказались в тёмном, воняющем больничными дезинфекторами коридоре. Мэй немедленно призвала магию тейней. Их фигуры растворились в полумраке, и они бесшумно двинулись вперёд, проскальзывая мимо глухих дверей палат, из которых порой доносились странные стоны и безумный смех.

Наконец они нашли палату Варфоломея. Дверь была открыта. Мэй и Ями осторожно заглянули внутрь.

Мужчина сидел на железной койке, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону. Его иссиня-чёрные волосы были спутаны, а взгляд мутных, белых глаз был устремлён в пустоту. Он тихо, неразборчиво бормотал что-то на своём странном, выдуманном языке, который никто, кроме него, не понимал. Он был плох. Очень плох.

Мэй вошла в палату, её сердце разрывалось от боли и вины. Ями остался стоять у двери, прижав руку к губам.

- Варфоломей... — тихо прошептала Мэй, подходя к нему, и она бережно коснулась его лба, затем провела пальцами по его растрёпанном волосам, - прости меня. Прости, что не поверила тебе. Мне так стыдно, Варфоломей. Я...

Но он не слышал её. Его тело начало неконтролируемо трястись. Он раскачивался всё сильнее и сильнее, его глаза бегали из стороны в сторону, судорожно дёргаясь. Варфоломей резко поднял голову, посмотрел на Мэй, и в его белых глазах отразилось чистое, всепоглощающее безумие.

Он вдруг разразился громким, диким хохотом. Этот смех был полон боли, страха и ужаса. Скрючившись, он упал с койки на пол, и его тело забилося в страшном приступе эпилепсии.

Мэй вскрикнула. Двери палат по соседству распахнулись, и по коридору разнеслись испуганные крики. Несколько медсестёр, услышав шум, немедленно бросились в палату №402.

Мэй и Ями, не желая быть пойманными, бросились прочь. Они выскользнули из клиники через тот же чёрный выход и вскочили в карету. Михаэль, который ждал их в метели, не задал ни одного вопроса.

Они молча ехали обратно в поместье Клотильды. Сердце Мэй сжималось от отчаяния. Она не смогла ему помочь. Она лишь увидела его боль.

В этот де день, 31 декабря, в поместье Клотильды вечером воцарилась гнетущая тишина. Снаружи бушевала метель. Мэй и Ями готовились встречать Новый год в одиночестве. Варфоломея не было. Хлои не было. Михаэль и Тиффани тихо выполняли свои обязанности, пытаясь создать хотя бы видимость праздника. Ями грустно сидел у камина, наглаживая Грэя. Юная ведьма тоже не находила себе места.

— Ну вот, — тихо прошептала она, глядя в огонь, — мы снова одни. И в этот Новый год... мы остались без него.

Ями молча подошёл к ней и взял её за руку. Вдруг Мэй вспомнила, что Варфоломей всегда прятал подарки к Рождеству. Она медленно поднялась и пошла в его комнату. Дверь была не заперта. Внутри царил беспорядок, но она нашла то, что искала.

Под кроватью стоял старый сундук. Мэй открыла его. Внутри, среди пожелтевших писем и старых вещей, лежали подарки. Для Мэй Варфоломей приготовил большого, мягкого плюшевого Мишку. У Мишки были глаза разного цвета — один зелёный, другой голубой, точно такие же, как у неё. А рядом лежало изящное, сшитое специально для неё чёрное платье из плотного бархата, расшитое серебряными нитями.

Для Ями он приготовил дорогой, строгий костюм из тёмной ткани, сшитый по последней моде, и новую, красивую гитару. Мэй прижала плюшевого Мишку к груди. Слёзы навернулись на её глаза. Она поняла, что Варфоломей, даже находясь в таком состоянии, даже в приступе безумия, не забыл о них. Он любил их. Он заботился. И эта любовь была чистой и беззащитной.

Вечером, этого же дня, в поместье Клотильды позвонила ее подруга Валерия.

- Мэй, - радостно потянула она, - приезжай в гости ко мне. Ведь Новый год. Мы с Герардом вместе, и с нами Эстер. Приходи и ты с братом. Я буду рада вас увидеть.

- Благодарю, Валери, - сказала Мэй, - я недавно узнала, что Варфоломей не был причастен к смерти моих родителей. Рим жестоко его подставил, а я думала, он настоящий мудрец. И он захворал, он сейчас в психиатрической клинике.

- Печально, - протянула Валерия, - приезжай к нам. Мы поговорим об этом.

Девочка с братом поспешно собрали вещи и приехали в гости к ним. Но тем временем, одинокий Мартин был дома с родителями. Его родители были заняты его младшим братом Уильямом. Ему было семь лет. Мартин очень ревновал родителей и страдал. Сегодня, он решил убить его с помощью магии, заодно потренировать свои способности. А праздник в доме Валерии был окутан волшебством. Янтарный свет гирлянд, запах хвои и звон бокалов создавали иллюзию, что мир за окном — с его метелями, проклятиями и закрытыми клиниками — остался где-то очень далеко. Но в душе Мэй всё равно скребли кошки. Она смотрела на счастливых Валерию и Герарда, и в её сознании постоянно всплывал образ Варфоломея, бьющегося в судорогах на полу больничной палаты.

— Знаешь, — тихо сказала Валерия, когда они в очередной раз оказались в стороне от танцующих, — мне так жаль, что всё так вышло. Я ведь тоже была ослеплена слухами. Ты права, он был нашей защитой, даже если мы этого не понимали.

Мэй только грустно улыбнулась. Она чувствовала, что должна сделать что-то ради Варфоломея, но пока не пони-

мала, с чего начать.

А в это время в другом конце города, в скромном доме, царила совсем иная атмосфера. Мартин сидел в своей маленькой комнате, сжимая в руке перстень из мха. За тонкой стенкой слышались счастливые голоса родителей, которые нянчились с его младшим братом Уильямом. Маленький мальчик смеялся, прося показать ему фокусы, и родители охотно потакали его капризам.

— «Опять он», — прошипел Мартин, глядя на закрытую дверь. — «Всегда только он. Его любят, его берегут, а я — лишь инструмент, который должен приносить успех».

Его изумрудные глаза налились темным, ядовитым блеском. Мартин не просто ревновал — он испытывал ненависть, которая росла в нём, как сорняк. Он сжал перстень, концентрируя энергию земли. Стены в его комнате задрожали, а комнатные растения на подоконнике начали стремительно увядать, их жизненная сила впитывалась в его кольцо.

— Пора проверить, на что я способен, — прохрипел он, поднимаясь с кровати, — если я избавлюсь от «золотого мальчика», родители наконец-то увидят меня. А заодно... это будет отличная тренировка перед тем, как я встречу с этим гробовщиком.

Мартин открыл дверь. Его магия была грубой, неотесанной, но пугающе сильной. Он начал шептать заклинание, направляя черные потоки энергии земли прямо в детскую, где спал семилетний Уильям. Стены дома начали покрываться

трещинами, а в комнате брата воздух стал тяжелым, как свинец. В доме родителей Мартина царил настоящий хаос. Как только магия Мартина коснулась маленького Уильяма, мальчик внезапно замолчал на полуслове, его глаза округлились от ужаса, а горло сжалось — дар речи покинул его навсегда. Родители, обезумев от горя, носились по комнатам, вызывали врачей и соседей, не понимая, что случилось с их любимцем. А Мартин, наблюдая за этим из тени коридора, довольно усмехнулся. Его эксперимент удался — он получил власть над судьбой брата и почувствовал прилив своей новой, опасной силы. Оставив родителей в панике, Мартин спокойно вышел на улицу, где город уже вовсю праздновал. Новогодняя ярмарка сияла огнями: пахло корицей, горячим шоколадом и хвоей, всюду играла музыка, а прохожие радостно поздравляли друг друга.

Среди толпы он заметил знакомые лица. Мэй, Ями, Валерия, Герард и Эстер прогуливались между торговыми рядами, выбирая подарки. Мартин, поправив свой перстень из мха, подошёл к ним и приветливо помахал рукой. Мэй, заметив его, решила проявить вежливость и отделилась от компании, чтобы подойти к парню.

— Здравствуй, Мартин, — произнесла она, глядя на него с любопытством. — Ты сегодня один?

— Да, — черноволосый парень мгновенно кивнул, его зеленые глаза блестели, — а ты, я вижу, развлекаешься. Весело тебе, ведьма?

Мэй, вспомнив, что они теперь вроде как «союзники» против тайн Рима, решила быть дружелюбной.

— Присоединяйся к нам, — предложила она, — Валери, ты же не против?

Валерия, пребывавшая в приподнятом настроении после того, как Герард наконец-то пошёл на поправку, широко улыбнулась.

— Конечно, нет! — ответила она, — я же люблю шумные компании, особенно в мои любимые новогодние праздники. Идём к нам, Мартин, у нас дома полно угощений!

Мартин охотно согласился. Он шёл с ними, поддерживая светскую беседу, и казался совершенно обычным подростком. Но Мэй, сама того не зная, привела в дом Валерии человека, который только что совершил страшное злодеяние над собственным братом.

Когда они добрались до дома Валерии, внутри было очень уютно. Горели свечи, а на столе стоял горячий чай. Компания расселась в гостиной. Мартин сидел на самом краю дивана, внимательно наблюдая за тем, как Герард и Валерия перешептываются, и как Эстер смеётся над шутками Ями. В какой-то момент Мэй отошла к окну, чтобы поправить занавеску, и заметила, что Мартин не сводит глаз с гранатового ожерелья на шее Валерии. Его перстень из мха слабо пульсировал зелёным светом, словно резонируя с камнями ожерелья.

— Слушай, Валери, — вдруг произнёс Мартин своим

хрипловатым голосом, - а это украшение... Оно ведь из древнего клада, да? Мой дед Рим говорил, что такие гранаты умеют хранить не только красоту, но и проклятия.

Валерия осеклась, её улыбка погасла.

— Откуда ты знаешь про Рима столько подробностей? — настороженно спросила она, - но это ожерелье мне подарила Мэй.

Мартин лишь пожал плечами, его лицо оставалось спокойным.

— Дед много болтает, когда пьёт. Мэй, разве ты не узнала от него ничего больше, кроме лжи о твоих родителях?

Мэй почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она почувствовала, что этот вечер — лишь затишье перед бурей, и что присутствие Мартина здесь — это не случайность, а начало нового, опасного этапа в их истории.

В доме Валерии у моря продолжался новогодний праздник, но атмосфера в гостиной стала какой-то липкой и тревожной. Мартин, приземистый и крепкий, со своим странным изумрудным взглядом, всё время держался поблизости от именинницы. Его пальцы, на которых блестел перстень в виде мха, то и дело подрагивали. Школьник давно заметил гранатовое ожерелье на шее Валерии — он чувствовал, что древние камни могут многократно усилить его собственную магию земли. Когда Валерия отвлеклась на шутку Эстер и заливисто рассмеялась, Мартин действовал молниеносно. Его руки, грубые на вид, оказались невероятно ловкими. Одним

коротким, почти незаметным движением он расцепил тонкий замок на её шее. Ожерелье скользнуло в его широкую ладонь и мгновенно исчезло в кармане мантии.

- Признателен вам за столь тёплый прием! — хрипловато воскликнул странноватый парень, направляясь к выходу, — но мне пора. С Новым годом!

Он ушёл быстро, оставив после себя лишь запах сырой земли и хвои. Остальные ребята, ничего не заметив, расположились в центре гостиной и начали танцевать под звуки граммофона. Но внезапно музыка перестала радовать Валерию. Она невольно коснулась рукой своей шеи и замерла. Её пальцы нащупали лишь пустоту и холодную кожу.

— Моё ожерелье! — вскрикнула она, побледнев. — Куда оно могло пропасть? Неужели я его потеряла, пока танцевала?

Танцы прекратились. Друзья столпились вокруг неё.

— Оно же необычное! — воскликнула Эстер, испуганно глядя на подругу. — Оно не могло просто так растянуться и соскользнуть!

— Это наверняка Мартин! — резко бросил Герард, его единственный зелёный глаз гневно сузился. — Он вёл себя подозрительно с самого начала.

— Не думаю, — тихо, но твёрдо заступилась за него Мэй, — Мартин из бедной семьи, он пришёл к нам с миром. Зачем ему красть ожерелье прямо на празднике?

Герард резко развернулся к ней. На его лице, лишённом

магии, но полном горечи, появилась злая, желчная усмешка.

- Ты как всегда ошибаешься, Мэй, — ядовито прошипел рыжеволосый юноша, - ты вообще ничего не ведаешь и не понимаешь в людях, а сама только и делаешь, что строишь из себя великую и влиятельную ведьму. Но вспомни правду! Даже тогда, у утёса, ты не смогла постоять за себя перед сиреной. Ты просто беспомощно упала в море, и волны унесли тебя, как щепку. Какая из тебя защитница?

Мэй застыла, словно её ударили наотмашь. Горло перехватило, а в глазах зашипало от несправедливости этих слов. Она обвела взглядом комнату, ища поддержки, но Валерия лишь расстроенно смотрела на шею, а Эстер отвела глаза, а Ями испуганно молчал. Никто, абсолютно никто не заступился за неё перед этим откровенным хамством. Одиночество, холодное и острое, окончательно сковало её сердце.

На следующий день, едва рассвело, Мэй разбудила Ями. Они не стали дожидаться завтрака и общих прощаний. Сложив свои вещи в сумки, брат и сестра в полном молчании покинули гостеприимный когда-то дом у моря и уехали в поместье Клотильды. Поместье встретило их звенящей тишиной и морозным туманом. Варфоломея не было — он всё ещё находился в той страшной закрытой клинике, и Мэй чувствовала, как дом тоскует по своему хозяину.

Оставив сумки в холле, Мэй, ведомая странным предчувствием, она подошла к двери опекуна. Она вошла в комнату его. Здесь всё пахло им — лавандой, старой кожей и прохла-

дой. Девочка начала осматривать его вещи, и её взгляд упал на приоткрытый ящик массивного дубового комода. Там, среди стопок аккуратно сложенных шейных платков, лежало странное зеркало. Его оправа была сделана из чёрнёного серебра, украшенного переплетающимися змеями и летучими мышами. Поверхность стекла была мутной, словно затянутой вечным туманом, но от него исходила едва уловимая, вибрирующая магическая мощь. Мэй протянула руку и коснулась холодного стекла. В тот же миг внизу, в холле, послышался шорох и тихий, знакомый звук когтей по паркету.

Мэй вздрогнула и обернулась к дверям. На пороге комнаты стояла Хлоя в своём лисьем обличье. Её рыжая шкура была припорошена снегом, а в мудрых зеленовато-ореховых глазах читалась тревога и какая-то важная весть. Лисица-оборотень вернулась в дом. Она смотрела на Мэй, затем на зеркало в её руках, и негромко, жалобно заскулила, словно предупреждая о чём-то, что скрыто в глубине этого магического предмета.

Глава 3. Чудо Рождества.

Хлоя, всё ещё тяжело дыша после бега по морозу, медленно приняла человеческий облик. На ней была та же старая серая кофта, а её волосы были растрепаны. Она подошла к Мэй и Ями, которые с надеждой и страхом смотрели на неё.

- Это зеркало — не просто вещь, — тихо заговорила Хлоя, её голос дрожал от волнения, - это мост. Единственный способ связаться с душой Варфоломея сейчас, когда его разум затуманен тяжелым недугом и он заперт в стенах лечебницы. Его дух мечется там, в темноте, и только вы можете подать ему руку.

Юная ведьма почувствовала, как в груди вспыхнул огонек надежды.

- Помогите мне! — взмолилась она, - как нам заглянуть в него? Что нужно делать?

Девушка кивнула и подошла ближе к зеркалу.

- Положите руки на раму, — скомандовала она детям, - сосредоточьтесь на тепле, которое вы к нему чувствуете. Не думайте о болезни, не думайте о яде. Думайте только о том Варфоломее, который был с вами, и о том, как вы его сильно любите и дорожите им.

Мэй и Ями прижали ладони к холодному черненому серебру. Хлоя начала шептать заклинание на старом наречии оборотней, и туман за стеклом зеркала начал медленно рас-

сеиваться. Сначала проступили очертания белых стен, а затем они увидели его. Варфоломей сидел в углу своей палаты, обхватив колени руками. Его плечи судорожно вздрагивали. В отражении было видно, как по его бледным щекам безостановочно текут слезы. Гробовщик плакал — тихо, отчаянно, как брошенный ребенок.

Но в тот миг, когда магия Мэй и Ями через зеркало коснулась его израненной души, мужчина в отражении вдруг замер. Он поднял голову, словно почувствовал их невидимое присутствие. Рыдания прекратились, его дыхание выровнялось, а лицо, застывшее в гримасе боли, разгладилось. Ему мгновенно стало легче — незримая связь с домом и любимыми людьми подействовала как самое сильное лекарство, утихомирив бурю в его голове.

Тем временем Мартин вернулся в свой дом, но порог родного очага не принес ему покоя. Внутри стоял невообразимый шум и крики. Родители в полном отчаянии носились по комнатам. Его мать рыдала, прижимая к себе маленького Уильяма, а отец лихорадочно листал телефонный справочник в поисках врачей. Семилетний мальчик сидел на стуле, бледный как полотно. Он открывал рот, пытался что-то сказать, но из его горла не вылетало ни звука. Малыш полностью лишился дара речи. Но Мартин стоял в дверях, незаметно сжимая в кармане украденное гранатовое ожерелье Валерии. Глядя на суету родителей и на перепуганного брата, он не почувствовал ни капли жалости. Напротив, в его изумруд-

ных глазах сверкнуло мрачное удовлетворение.

- Что случилось? — притворно-обеспокоенным голосом спросил он, проходя в гостиную.

- Он замолчал, Мартин! Наш мальчик просто перестал говорить! — всхлипнула мать.

Школьник подошел к брату и положил руку ему на голову. Уильям вздрогнул и забился в угол кресла, инстинктивно чувствуя холод, исходящий от старшего брата. Перстень из мха на руке Мартина под покровом рукава слабо пульсировал, впитывая энергию страха, царившего в доме. Теперь, имея при себе гранаты Валерии, Мартин чувствовал, что его сила растет с каждой минутой, и эта власть над чужими жизнями пьянила его сильнее любого вина.

Мэй не могла отвести взгляда от туманной поверхности зеркала. Но вдруг образ плачущего Варфоломея начал таять, сменяясь резкими, болезненно-зелеными вспышками. Картинка внезапно переменилась, и в серебряной раме возникла комната Мартина. Мэй вскрикнула, увидев, как новенький с жадностью разглядывает украденное гранатовое ожерелье. Оно полыхало в его руках, словно живой уголь. Теперь сомнений не осталось: Герард был прав, а её слепое доверие к Мартину обернулось бедой для подруги. Но следом зеркало показало нечто более жуткое: Мартин, склонившийся над колыбелью своего маленького брата, и то, как магия земли, словно тяжелый свинец, сковывает голос ребенка.

Мэй широко распахнула глаза, её дыхание перехватило от

ужаса перед этой тихой, домашней жестокостью. Ями рядом с ней тоже вздрогнул, его лицо побелело. Но туман в зеркале закружился вновь, становясь нежно-серебристым. Из этой дымки проступили два бесконечно родных силуэта.

— Доченька... — нежный, едва слышный голос мамы коснулся слуха Мэй, словно теплый ветер, и она выглядела спокойной и светлой, - не кори его. Варфоломей не виноват в нашей смерти. Наша гибель была естественной, хоть и трагичной... Мы не выдержали того спиритического сеанса, наши сердца просто остановились. Варфоломей ни в чем не виноват.

— Мама! — воскликнула девочка, и слезы облегчения хлынули из её глаз, - я так счастлива это знать! Я уже сама в этом разобралась, спросив у Рима!

Силуэты родителей растаяли, и зеркало снова стало обычным мутным стеклом. Дети, тяжело дыша, отложили его и вышли в гостиную. Тяжесть, которая месяцами давила на плечи Мэй, наконец-то исчезла. Варфоломей был чист перед ними. Но на смену одной проблеме пришла другая.

— Теперь всё понятно, — Мэй сурово прищурилась, её разноцветные глаза блеснули решимостью, - этот Мартин оказался гораздо опаснее, чем я думала. Ожерелье — мой подарок Валерии, и это я, по своей глупости, привела его в наш круг. Я не успокоюсь, пока не верну эту вещь Валери и не заставлю его ответить за свои поступки.

Ями сделал шаг вперед, в его взгляде больше не было дет-

ского испуга — только твердое желание помочь.

- Доверься мне, Мэй, — умоляюще произнес он, заглядывая сестре в лицо, - я же сам верну это ожерелье. Я не маленький, я справлюсь.

— На тебя можно положиться, братик? — Мэй с сомнением покачала головой, - ты ведь даже не знаешь, где он живет, и город сейчас занесен снегом.

- Я найду его по следу, — вмешалась Хлоя, её голос прозвучал уверенно и дико, - а мой нюх не обмануть. Я проведу Ями к самому порогу этого воришки. Мы заберем то, что принадлежит нашей семье.

Мэй посмотрела на решительного брата и на преданную Хлою. Она поняла, что Ями нужно это — совершить мужской поступок, чтобы защитить честь семьи и подруги.

— Хорошо, братик, — она ласково погладила его по кудрявой голове. — Иди. Но будь осторожен. Мартин коварен.

Ями радостно закивал, его глаза загорелись азартом. Он чувствовал, что сегодня он — настоящий рыцарь.

Рождественский Сочельник начался с пронзительного холода. Небо было затянуто серой пеленой, из которой лениво опускались крупные хлопья снега. Пока Мэй спала беспокойным сном, Ями уже был на ногах. Хлоя, чьё звериное чутьё обострилось в морозном воздухе, ждала его у порога. Одним плавным движением девушка обернулась в изящную, огненно-рыжую лисицу. Ями, сжав кулаки от решимо-

сти, взобрался к ней на спину, вцепившись в густой мех. Хлоя стрелой понеслась по заснеженным улицам города, ведомая едва уловимым запахом сырой земли и гранатов, который исходил от Мартина.

Она остановилась у старого, перекошенного деревянного дома на окраине. Стены его почернели от времени, а из щелей несло бедностью и запустением. Лисица тихо тенью скользнула в кусты, а Ями, поправив куртку, смело постучал в дверь. Мартин открыл не сразу. Он выглядел помятым, в его изумрудных глазах читалась настороженность.

- Это ты, брат Мэй? — хрипловато спросил он, - не помню, как тебя там... Заходи, раз пришел.

Внутри дом встретил Ями грязью и тяжелым, застоявшимся запахом немытой посуды и пыли. Всего три тесные комнаты, где роскошь Статимэда казалась далеким, несбыточным сном. Едва дверь в комнату Мартина закрылась, Ями, не желая больше притворяться, выпалил:

- Это ты своровал украшение Валерии! Я всё знаю. Я пришел за ним, отдай его немедленно!

Мартин прислонился к косяку и медленно, вызывающе усмехнулся.

- Это не я... — начал он по привычке, но потом пожал плечами, - ладно, признаю, оно мне понравилось. Но ты правда думал, что я просто так его отдам? Я-то надеялся, ты пришел за чем-то более интересным.

- Хватит! — командно выкрикнул Ями, и в его голосе на

миг прорезались властные нотки Раддмилов, - довольно разговоров. Отдай то, что принадлежит Валери!

- Давай выйдем на улицу, — спокойно предложил Мартин, - здесь стены давят. Поговорим по-мужски.

Они вышли на заснеженные, пустынные улочки. Мартин остановился, достал папиросу и, щелкнув спичкой, глубоко затянулся. Сизый дым смешался с морозным паром.

- Да, это я украл ожерелье, — признался он, глядя на Ями сквозь прищур, - оно усилило меня. Но послушай, дружище... Я ведь вижу тебя насквозь. Я знаю, что у тебя на душе. Тебе тошно. Твоя сестра тебя не замечает — она одержима своим гробовщиком, его болячками и его тайнами. А ты для неё лишь тень. И друзей у тебя нет. Ты всегда «брат Мэй», приложение к её величию. Те ребята, с которыми ты сдружился... они ведь предали тебя, едва появилась возможность. А твоя Роуз?

Мартин ядовито усмехнулся.

— Она предпочла Юлиана. Она вытерла об тебя ноги. Как ты с этим справляешься, Ями? Как ты терпишь эту пустоту?

Мальчик замер. Слова старшеклассника, словно острые ледяные иглы, вонзались в самые старые раны. Вся та обида, которую он копил неделями, весь тот холод одиночества, который он чувствовал в пустых коридорах школы, вдруг поднялись к горлу горьким комом.

— Мне... мне тяжело, — тихо прошептал он, и его плечи поникли.

— Но ты ведь смог постоять за себя тогда с Демпси! — Мартин подошел ближе, его голос стал вкрадчивым, почти гипнотическим. — В тебе есть сила, Ями. Но ты тратишь её на то, чтобы быть «хорошим». Зачем? Отомсти за себя, как это сделал я. Роуз должна пожалеть о том дне, когда отвернулась от тебя. И твои бывшие друзья должны почувствовать ту же боль. В этот великий праздник... давай покажем им, кто здесь на самом деле главный.

В душе Ями что-то с тихим хрустом надломилось. Свет рождественских огней в окнах соседних домов показался ему издевательством.

— Ты прав, — внезапно произнес он, и его взгляд стал холодным и неподвижным, как замерзшее озеро. — Они должны пожалеть.

— Вот это слова мужчины, — Мартин одобрительно хлопал его по плечу. — Пойдем в лес. У меня есть книги, которые помогут нам направить твой гнев.

Они ушли в глухую чащу, где деревья стояли, словно черные скелеты. Там, под сенью старой ели, они раскрыли гримуары. Мартин шептал слова, а Ями, ведомый темной обидой, громко произнес заклинание проклятия. «Пусть Роуз лишится своей красоты, пусть зеркало станет её врагом. А те, кто звал себя моими друзьями... пусть дыхание жизни покинет их в эту ночь».

Воздух в лесу запульсировал черным пламенем. Ями почувствовал странную, опьяняющую мощь. Он больше не был

«маленьким братом». Теперь он был тем, кто вершит судьбы. Но в тени деревьев за ними наблюдала пара напуганных зеленовато-ореховых глаз Хлои. Она видела всё, и её сердце разрывалось от ужаса — маленький ангел Ями в одно мгновение превратился в падшего демона. Вдруг, Ями увидел, что лисичка следила за ними, но Мартин одним магическим ударом сбил ее с ног, она жалобно заскулила. Он ее ранил, и она, прихрамывая, скрылась в лесу.

- Ей больно, - грустно пропищал мальчик.

- А как тебе было больно, - Мартин заглянул ему в глаза.

Тем временем, в доме Роуз внезапно погасли свечи, и она потеряла сознание, а лицо покрылось страшными шрамами. Она начала кричать, родители вызвали ей скорую помощь. Те, его бывшие друзья ехали в машине, и внезапно в них врезались. Произошла авария, они умерли на месте.

В гостиной поместья Клотильды пахло воском и старой пылью. Мэй сидела в глубоком кресле, прижимая к себе плюшевого мишку с разными глазами — прощальный подарок Варфоломея. Этот медвежонок был её единственной связью с «принцем», который сейчас томился в белых стенах клиники. Она ждала брата, и с каждой минутой её сердце наполнялось дурным предчувствием.

Когда входная дверь со скрипом отворилась, Мэй резко вскочила. На пороге стоял Ями. Но это был не тот ласковый мальчик, который уходил утром. Его одежда была припоро-

шена снегом, лицо казалось застывшей маской, а в глазах, обычно таких добрых, застыл холодный, колючий блеск.

- Ями! — встревоженно воскликнула Мэй, делая шаг навстречу. — На тебе лица нет! Где ты был? Где Хлоя? И... где ожерелье?

Брат медленно снял куртку, не глядя на сестру. Его движения были властными, лишенными детской суетливости.

- Пусть ожерелье останется у него! — отчеканил он, и его голос прозвучал непривычно низко, - так надо, Мэй. Забудь о нём.

Девочка замерла, не веря своим ушам. Её ведьминское чутьё буквально закричало об опасности: от брата пахло не только морозом, но и едкой, свежей магией проклятий.

- Что за чушь?! — вспыхнула она, и её разноцветные глаза гневно сверкнули, - ты пошёл туда, чтобы восстановить справедливость! Ты обещал вернуть подарок Валерии! Как это понимать, Ями? Мартин — вор!

- Так будет лучше для всех, — сухо отрезал мальчик, поворачиваясь к ней, а его лицо исказилось в недоброй ухмылке, - с теми, кто вмешивается в чужие дела, Мэй, всегда случается что-то плохое. Пора бы тебе это усвоить.

- Нет! — Мэй замахала руками, словно крыльями, и её длинные чёрные волосы растрепались. — Это он лезет к нам! Он украл вещь моей подруги! Ты должен был забрать её, а не защищать этого дурака!

— Замолчи! — Ями внезапно шагнул к ней, и его лицо

стало по-настоящему злым, - не смей на меня кричать. Я больше не твоя тень, Мэй. И если ты не хочешь закончить так же, как те, кто меня обижал... лучше не лезь.

Он развернулся и, тяжело ступая, поднялся на второй этаж, оставив сестру одну в пустой гостиной. Юная ведьма опустилась обратно в кресло, чувствуя, как внутри всё леденеет. Она посмотрела на мишку в своих руках. Теперь она была по-настоящему одинока. Варфоломей — в лечебнице, Хлоя исчезла вновь, а её единственный брат... её маленький Ями только что стал чудовищем.

В этот момент за окном, в тишине морозного города, раздался вой сирен. Одна, вторая, третья... Кареты скорой помощи и полиции неслись по улицам. Мэй подошла к окну и увидела вдали отблески синих огней.

Она ещё не знала, что в эти минуты Роуз в ужасе смотрит в зеркало на свои шрамы, а родители её бывших друзей рыдают над искореженным металлом машины на шоссе. Но тёмная энергия, сотворенная Ями и Мартином в лесу, уже накрыла город плотным саваном.

— Ох, Варфоломей... — прошептала Мэй, прижимаясь лбом к холодному стеклу, - как же ты мне нужен сейчас. Ты бы знал, что делать с этой тьмой...

В Рождественский вечер в гостиной поместья Клотильды было тихо. Мэй сидела у камина, замороженно глядя на догорающие поленья. В угасающем багряном пламени ей

вдруг почудился лик Варфоломея. Его губы беззвучно шевелились, пытаясь предупредить девочку о чём-то важном: он указывал на Ями, а затем его черты исказились в гримасе боли, когда рядом возникла тень Мартина. Но Мэй, одурманенная собственным горем и радостью от видения матери, пока не понимала этого предостережения. Она лишь видела, что Ями изменился, но списывала это на тяжёлое время.

Внезапно входная дверь отворилась, впуская в дом облако морозного пара и колючего снега. На пороге стоял гробовщик. Мэй и Ями замерли. Их опекун выглядел иначе. Его прекрасные иссиня-чёрные волосы были полностью сбиты — в клинике не щадили ничьей красоты. Обнажённая голова делала его черты лица более резкими, почти скульптурными. Высеченный крест-печать на лбу почти затянулся, превратившись в бледный, едва заметный шрам, но в самом взгляде мужчины что-то безвозвратно надломилось. Его глаза теперь сияли не мертвенно-белым, а мягким, глубоким небесным цветом, но этот свет был холодным, как звёзды в январе. Несмотря на болезненную худобу и отсутствие волос, он оставался пугающе красив — как ледяная статуя.

- С Рождеством Христовым! — негромко произнёс он, проходя в гостиную и снимая цилиндр, - меня выписали из больницы, мои дорогие.

- Варфоломей! — Ями первым сорвался с места и подбежал к нему, - я так рад, что ты вернулся!

Мужчина медленно опустил руку на плечо мальчика. Его

пальцы были неподвижны. Он внимательно, пронзительно взглянул в глаза Ями, и его брови едва заметно дрогнули. Как некромант, он мгновенно ощутил исходящую от ребёнка тяжёлую, липкую негативную энергетику и шлейф свежих, смертоносных проклятий. Но Варфоломей промолчал, лишь сильнее сжав плечо мальчика.

Мэй подошла следом, чувствуя, как внутри всё переворачивается от вины.

— Прости меня, — промолвила она, глядя в его небесные глаза, — мне очень стыдно, что я не верила тебе. Теперь я знаю правду... Мы тоже приготовили тебе подарки.

Она протянула ему изящный, дорогой зонтик с костяной ручкой и красивый кожаный ремень с серебряной пряжкой. Ями вручил ему записную книжку в переплёте из телячьей кожи и чернильную ручку. Варфоломей принял дары. Его лицо оставалось неподвижным, словно застывшая маска.

- Благодарю, — сухо ответил он.

Его голос больше не вибрировал, как кларнет, он стал ровным и бесцветным. Не глядя на детей, он медленно, тяжело опираясь на трость, направился в ванную комнату.

Мэй осталась стоять посреди гостиной, прижимая ладони к груди. Она чувствовала исходящий от него холод — не тот привычный мороз некромантии, а душевную мерзлоту. Варфоломей стал невероятно ледяным, отстранённым, словно та часть его души, которая умела нежно щёлкать по носу и смеяться, навсегда осталась в стенах психиатрической лечебни-

цы. Ями, чувствуя, как внутри него растёт холодная, расчётливая решимость, бесшумно прокрался в комнату опекуна. Он должен был спрятать зеркало, пока он не вернулся из ванной.

Ящик комода был приоткрыт. Внутри серебристым светом пульсировало старинное зеркало. Ями протянул руки и забрал его.

Варфоломей вышел из ванной. Его бледное лицо было свежим после воды, но глаза оставались холодными, небесного цвета. Он вернулся в свою комнату и сразу же достал из-под кровати новый блокнот, который подарил ему Ями. Он начал записывать имена — имена тех, кого он чувствовал в проклятии, что теперь жило в его «брате». Его пальцы, привыкшие к некромантии, скользили по бумаге. Он чувствовал Мартина. Он понимал, что тот сделал с Ями.

Мужчина закрыл блокнот, и тут его взгляд упал на комод. Ящик был приоткрыт. Зеркала не было. Он вышел из комнаты и, тяжело опираясь на трость, направился в гостиную, где сидели Мэй и Ями. Его взгляд был холоден и пронзителен.

- Дорогие мои, — ровно произнёс он, остановившись в дверном проёме, - у меня пропала ценная вещь. Моё зеркало. Вы не знаете, где оно?

Ями вздрогнул. Он мгновенно указал пальцем на сестру.
- Да, — выпалил он, его голос был непривычно резким, - мы с ней пытались помочь тебе, Варфоломей. Мы смотрели в зеркало, чтобы понять, что с тобой. И у нас это получилось.

Потом Мэй с ним что-то делала.

Мэй вскочила с кресла, её разноцветные глаза пылали от возмущения.

- Да! Я смотрела в него! Но я точно не убирала его, Варфоломей!

- Откуда я знаю? — трусливо сжался мальчик, его лицо исказилось.

Он посмотрел на Варфоломея с подобострастием, пытаясь выслужиться.

— Она всегда что-то злоумышляет плохое против тебя, Варфоломей. Она тебя ненавидит.

- Достаточно! — голос Варфоломея стал острым, как бритва, и он мгновенно перебил Ями, его небесные глаза сузились. — Хорошо. Если в вас разыграет совесть, то верните его мне. Спокойной ночи.

Он развернулся и, тяжело хромя, ушел. А Мэй растерянно взглянула на брата. Её сердце сжималось от боли и недоверия.

— Ями, — тихо, со слезами на глазах, потянула она, — что с тобой происходит? Почему ты так говоришь?

— Я сказал правду! — вскричал он, его голос был полон ярости. — В чём я не прав, Мэй? Ты ведь ненавидишь его! Ты хотела его уничтожить!

— Я ничего не злоумышляю против Варфоломея! — ответила она, и слёзы хлынули по её щекам. — Я просто хочу разобраться! А ты... ты стал таким вредным!

Она развернулась и, не дожидаясь ответа, убежала в свою комнату. Чернобог, почувствовав её отчаяние, тревожно начал ползать по её шее, пытаясь успокоить хозяйку. Мэй прижимала ладонь к змее, а в её мыслях, как набатный колокол, билась одна-единственная мысль: где сейчас Хлоя? Лисица — единственная, кто мог бы ей помочь. И огромный Бегемот, её верный кот, тихо мурчал ей в ноги, чувствуя её боль.

Поздним вечером в поместье Клотильды царил звенящая тишина. Мэй, не в силах вынести боль одиночества и гнетущую пустоту, осторожно спустилась по лестнице. Она остановилась у двери Варфоломея. Сделав глубокий вдох, она аккуратно, почти благоговейно постучалась.

Дверь быстро отворилась. Варфоломей стоял в одной белой сорочке. Его побритая голова казалась незащитной, а бледное лицо было измождённым. Руки заметно тряслись. Он выглядел невероятно хрупким и призрачным, словно вот-вот растворится в воздухе, напоминая ведьме доброго призрака из сказки с слезящимися простуженными глазами, с неестественными яркими пятнами под нижними веками, с избитыми коленями и костяшками белых пальцев.

Мэй, не раздумывая, нырнула к нему, обнимая его за пояс.
- Тебе не спится? — тихо спросил он, его голос был слабым, безжизненным.

Они вместе зашли в его комнату. Мэй села вплотную рядом с ним на край кровати и взяла его холодную, дрожащую

руку в свои. В этот момент гробовщик замер, его глаза расширились от растерянности — он не ожидал такого проявления нежности.

- Ох... — тяжело сглотнул он, пытаясь отвести взгляд.

- Я люблю тебя, — тихо, но с абсолютной искренностью призналась Мэй, глядя ему в глаза, - давай будем вместе. Давай поженимся.

Он мгновенно резко отдернул руку. Его тело напряглось, а голос-кларнет прозвучал слабо, почти хрипло, но с ледяной, непоколебимой твердостью:

- Нет, Мэй. Я никому не принадлежу. Ты жестоко предала меня. Сначала тогда, когда вы меня убили, я простил тебя, дорогая. Потом повторно, с гибелью родителей, ты мне не поверила. Я один пережил смерть моей мамы, и ни одна живая душа не поддержала меня. В моём сердце больше нет для тебя места.

— Это... это слишком жестоко, — прошептала Мэй, и слёзы хлынули из её глаз. Она прижалась к нему, пытаясь растопить лёд в его душе.

Гробовщик обнял её в ответ. Его руки были ледяными, но в них чувствовалась нежность, смешанная с глубокой печалью.

- Давай повременим, — его голос слегка смягчился. — Не плачь, моя дорогая. Всё будет хорошо.

Мэй почувствовала, как эти слова вселили в неё радость и уверенность. Он не до конца разлюбил её. У него были тём-

но-русые, выгоревшие брови, почти светлые реснички, слабый голос, но запах... тот самый родной запах лаванды, хвои и прохлады. В его ледяном сердце ещё теплилась искорка надежды.

В то же время, в заснеженных глубинах Проклятого леса, раненая Хлоя-лисица пригласилась в старой, заброшенной пещере. Её рыжая шкура была измазана кровью, а лапа болела после удара Мартина. Она скулила, прижимаясь к холодному камню.

Вдруг в пещеру скользнула тень. Хлоя испуганно вскинула голову, её глаза яростно вспыхнули. Это был лис — огромный, с золотистой шерстью и мудрым, внимательным взглядом. Он осторожно подошёл к ней. Хлоя зарычала, готовясь к бою, но лис лишь тихо заскулил, предлагая помощь.

Он начал вылизывать её раны, а затем принёс ей свежую дичь. Недоверчивость Хлои постепенно растаяла. Они подружились. Он был таким же одиноким оборотнем, как и она, скрывающимся от мира людей.

На мгновение, почувствовав взаимное доверие, они одновременно превратились в людей. Его звали Николас. У него были прямые светло-русые волосы до плеч, большие, глубокие синие глаза, и ему было тридцать пять лет. Он рассказал ей о своей одинокой жизни, о том, как он годами скрывался, мечтая найти родственную душу.

— Как долго я тебя ждала... — прошептала Хлоя, глядя в его синие глаза.

Они поцеловались, и в этот поцелуй они вложили всю свою тоску, всю надежду и всю боль одиночества. В холодном январском лесу, среди теней и снега, две заблудшие души наконец-то обрели друг друга.

Глава 4. Падение Ями.

Новогодние праздники закончились. Мэй с Ями начали собираться в школу. Они поспешно позавтракали. Варфоломей у входа задержал мальчика.

- Ями, - он положил руку ему на плечо, - не дай тьме победить тебя, но добро дарует любовь внутри и снаружи.

Он замер, призадумавшись.

Дети поехали в карете в замок. Мэй взглянула на брата.

- Ями, - она взяла его за руку, - я же вижу, тебя что-то терзает. Расскажи мне.

- Отстань, - мальчик одернул руку, - я устал из-за твоего эгоизма и гордости. Ты меня не слушаешь, постоянно защищаешь, а я ведь другой. Я могу за себя постоять. Я устал быть твоей тенью, и быть добреньким. У меня темная магия. Я наслал на Роуз проклятия за то, что она предпочла другого, и я проклял тех мальчишек.

- Как?! - у сестры распахнулись глаза, - это после разговора с Мартином?

- Ты его не вини, - произнес он, - это давно было внутри меня, но он помог этому выбраться.

Мэй сидела в карете, чувствуя, как холодный воздух проникает сквозь щели экипажа прямо ей в душу. Ями, сидевший напротив, казался ей чужим. В его глазах, когда он признался в проклятии Роуз и смерти мальчишек, не было ни

страха, ни слёз. Только тёмная, густая решимость, которая пугала Мэй гораздо сильнее, чем любые угрозы Варфоломея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.